

КРЫСЫ

Сергей МУРАШЕВ

г. Коломна

На окраине Москвы строился деревянный храм. Бригада рабочих жила в двух небольших вагончиках, а в третьем располагалась кухня. Из техники остались только колёсный трактор да кран. Мусора на территории стройки, обнесённой забором, почти не было — по вечерам приезжала машина и забирала всё лишнее. Сам храм уже готов. Из толстого северного дерева, с крышей, покрытой дранкой, с тремя главками, выложенными осиновым лемехом, с резным крыльцом. Стоит среди многоэтажек крепышом-красавцем как какое-то чудо, мираж. Теперь идёт внутренняя отделка и благоустройство территории. Два раза уже приходила на стройку демонстрация. С плакатами. Кричала, что попа надо повесить за ноги. Поэтому поверх забора натянута колючая проволока, по ночам часто проезжает мимо патруль, а в избушке под полатями спрятано незаконное ружьё.

Сегодня краном переставляли на другое место вагончики и никто не работал. Цепляли, помогали, кричали, смотрели. Когда подняли столовую, оказалось, что под ней крысиное гнездо. Первым его заметил Володька, парень лет семнадцати, но его уже берут на серьёзные работы. Он с четырнадцати лет на колымагах, так и не окончил девятый класс.

— Я вас уверяю, что крысы, — сделал Володька удивлённое лицо. — Я в детстве поймал один раз крысёнка, думал, что это мышь, а он как схватит меня!

— Эти небось не схватят, — сказал Споуха. Полный, в засаленной на животе куртке, с каким-то словно закопчённым лицом. В оранжевой каске. Он жевал семечки прямо с кожурой и считал, что так полезнее. — Голые ещё, но тоже живность.

Все подошли посмотреть. И только крановщик потихоньку поворачивал на стреле последний вагончик. Со стороны

рассказ

казалось, что он хочет засунуть его на балкон одного из жилых домов.

Крысята, совсем маленькие, розовые, лежали в небольшом гнезде возле кирпича и не подходили на крысят.

— Вот, есть, — сказал Спокуха уважительно. — А то говорят, в Москве живность не водится. Излучение.

— То другое дело, — ответил высокий худой Нильсон. Всегда казалось, что он не знает, куда девать свои длинные, будто на шарнирах, руки. — Это мерзость одна, а не живность.

Каждый из мужиков хотел бы что-нибудь сказать, но не знал что. Может быть, вспомнилась им благодаря «живности» их родная деревня, где всё своё — «настоящее», «живое». Когда уже достроят? А то живут, как ээки, за колючей проволокой. Иногда хочется посмотреть на московскую жизнь, да некогда. Из-за забора ничего не видно. Машины шумят, гудят, иногда проедет высокий автобус, и видно его крышу. Да ещё развлечение: на седьмом этаже панельки, что совсем рядом с храмом, вдруг откроется окно и баба с короткой стрижкой и мужским голосом начнёт что-то громко говорить, кричать, ругаться. Сначала думали, что это на них, но потом догадались: у тётки не всё в порядке с головой. Нильсон ходил курить к местным мужикам, оказалось, что так и есть. Раз в полгода её кладут в психушку, а так она не опасная.

Крановщик между тем повернул стрелу так, как надо, но опускать один побоялся. Он высунулся из дверей кабины и загнул такого матюга, что трое бегом побежали помогать. Нильсон дёрнулся на месте, но потом презрительно улыбнулся в сторону тех, кто убежал.

— Щас раздавлю, — сказал он и ловко запрыгнул в свой трактор, — отойдите.

— Сжегчи надо, — Спокуха не двинулся с места.

С ним рядом стоял Гоша. Он ростом ещё меньше Володьки, хотя старше. Никогда не носит шапки, а если холодно, надевает капюшон. Он и сейчас в серой толстовке с капюшоном. Руки в карманах. Гоша — единственный местный из бригады. Как-то не хватало человека — Гошу взяли на время, а потом оставили.

— Не дам, — сказал он вдруг, присел на кор-

точки и стал собирать крысят прямо за пазуху.

Нильсон высунулся всем телом из открытой дверки заведённого уже трактора и внимательно посмотрел в спину Гоше.

— Ты что, дурак?

Около вагончиков машет руками Володька, показывает, куда поставить. Кажется, что он делает сурдоперевод или подаёт кому-то тайные знаки. Может, той женщине с седьмого этажа.

— Ты что, дурак? — повторил Нильсон. Он с самого начала невзлюбил Гошу, потому что тот во многом понимает лучше его.

Нильсон сплюнул сквозь зубы, прыгнул на землю и пошёл к Гоше. Спокуха встал между ними. Гоша, не замечая ничего этого, сутулясь побежал к сараю, где хранился бензин. Вагончик стукнулся о землю, опускавшие мужики засмеялись чему-то. Нильсон постоял немного, глядя на замасленный живот Спокухи, и, словно боясь запачкаться, отошёл и забрался в трактор.

— Я теперь ему руки не подам, — сказал он и включил магнитола.

На улице громко просигналила машина. Спокуха сунул руки в карманы, не нашёл там семечек и поплёлся вслед за Гошей. Заглянул в сарайчик. Гоша укладывал крысят в маленькую коробку из-под анкерных, которые — новые и красивые — лежали рядом на чурке.

— У нас обычно сжигают, — сказал опять Спокуха. — Прямо с гнездом. Найдут мышинное где-нибудь на сеновале или в копне и сожгут. И всё чисто и хорошо.

Гоша вышел из низенькой сарайки, и они пошли посидеть на крыльце храма. Было смешно смотреть на них. Спокуха — толстый, грузный, в каске, а Гоша — маленький, с капюшоном на голове, руки в карманах. Словно только что танцевал брейк-данс и зашёл на стройку к отцу.

— Крысы, они умные, — рассказывал Спокуха. — У меня дядька в войну на заводе работал, ещё пацаном. Масло растительное делали. Стал кто-то масло отливать. Не хватает всё время. Друг на друга стали думать. А война тут, может быть, и без суда... Чуть до плохого не дошло. Потом кто-то увидел. Пока людей нету, конвейер стоит, бутылки не закрыты. Крысы. Одна заскочит на бутылки, хвост в горлышко опускает, а

другая его облизывает. И так по очереди одна за другой меняются. Тоже конвейер. А их много, и все по кругу, некоторая очередь не перепутает. Или, знаешь, как они яйца воруют? — Спокуха оживился, лицо его засветилось радостью и стало не такое копчёное на вид. — Придѣшь в хлев, а яичек-то и нету. Придѣшь в другой раз — опять пусто. Тут и задумаешься. А скорлупы-то нет. Кто их ест? Ну, если крысы, то как? Катают? Взял у соседа яйцо, попробовал пальцем. Нет, не получается. Оно не круглое, всё в сторону норовит. Этак по хлеву не укачишь, там же сено да всё такое. Как там покатишь? А они знаешь как? — Он помолчал и посмотрел куда-то любовно. — Одна схватит яйцо всеми четырьмя лапами, а другая её за хвост и тащит. Вот как!

Спокуха засмеялся так громко, что Нильсон выключил магнитолу, выпрыгнул из трактора и лениво пошёл куда-то. На хохот из столовой выглянули мужики и позвали пить чай, но они не пошли.

— А ещё был у меня один профессор... — припомнил Спокуха. — Крыса-профессор. У капканчика дугу закидывала лапой и проходила. Я и так, и так, и никак.

— Так и не поймал? — спросил Гоша.

— Попалась. Я сделал самодельный капкан с хитростью. В этот только и попала.

— А я пожалел этих крысят. Очень пожалел, — признался Гоша.

— А чего? Живность какая-никакая.

— У меня девушка была, — начал Гоша. — Мы три года встречались. Дело к свадьбе шло. Олеся. Но, ты знаешь, у нас с ней ничего не было. То есть всё по-настоящему. Я даже не думал, что так бывает. Она оканчивала музыкальный колледж, я — строительный. Мы шутили, что я построю дом, а она будет мне играть на фортепиано или на гитаре или просто петь песни, чтоб мне было веселее. А дом у нас будет двухэтажный. Внизу — большая зала, где Олеся будет давать концерты. А когда захотим, будем собирать там друзей. Представляешь, если придут все её одноклассники, какой концерт можно забахать. А жить мы будем на втором этаже. Однажды я сказал Олеся: «А где же будут жить наши дети?» Она, почти не думая и не стесняясь, ответила: «Значит, надо построить третий этаж». И вдруг мы поняли, насколько близки

друг другу. Обнялись. Это было как раз перед тем случаем, — рассказывал Гоша. — Олеся сдавала экзамены: мастерство актёра (в колледже это называлось оперой), ансамбль и вокал. За свои я даже не волновался, диплом уже сдал, а остальное всё — несложное. В последний день перед экзаменом Олеся никогда не готовилась. Её мама говорила, что в этот день надо отдыхать. Они в своё время всей группой спускались к реке и пели песни. Мне нравится её мама, я много раз бывал у них в гостях.

В день перед концертом мы пошли гулять. Хотели пойти вдвоём, но с Олесей попросилась её подруга, которая очень боялась экзамена и не могла сидеть на месте. Я позвал своего друга. С нами увязался ещё этот Лёша-Газик, который тоже никогда не может сидеть на месте. Сначала он шёл просто за компанию, потом разговаривал всех, рассмешил девчонок, и уже было не отвязаться от него. В парке мы с ребятами выпили по бутылке пива. Обычно я не пью при Олесе. Мне как-то стыдно, и даже кажется: вот решит она сама выпить, а мне этого не хочется. Тем более что в их колледже многие пьют, а она нет. Потом мы погуляли по парку, посмотрели, как на спортивной площадке какие-то мужики играют в волейбол. Уже вечером на обратном пути на широкой асфальтированной дорожке вдруг увидели крысу. Первым её заметил Газик: «Ребята, смотрите кто тут!»

Мы окружили её. Она прижалась к земле и не знала, куда бежать. Газик пнул её, и она подкатилась к моим ногам. «Давай в футболчик!» — сказал он. И я тоже пнул. Мы с пацанами стали тихонько перепасовывать крысу друг другу, но так, чтобы она нас не кусила.

«Вы что! Она же беременная!» — закричала Олеся. И тогда я понял всю подлость того, что мы делали.

«Наоборот, надо пинать, — сказал запыхавшийся Газик. — Сразу всех уокошим».

Он всегда быстро запыхивается: и от ходьбы, и от волнения. Даже от физкультуры освобождён.

Я больше не пинал, но и ребят не унимал. Стоял и смотрел на Олесю. Я знал, что, перед тем как крикнуть, она замирала на несколько секунд. Она всегда замирает, когда её что-то поражает, словно у неё сердце останавливается. Вдруг она подбежала и выхватила крысу

прямо из-под ног. Прижала к себе. Олеся была в одной блузке с открытыми рукавами. Крыса вырывалась, кусала её. Олеся донесла крысу до кустов и положила в траву. Подружка бежала за ней и верещала. Я не знал, что делать. Вдруг заметил, что Олесиные белые красивые руки по локоть в кровавых струйках, и кинулся к ней. Но она резко повернулась ко мне и крикнула: «За мной не ходить!»

Даже подружка немного отстала от неё, но потом догнала. И всё повторяла как заведённая: «Олеся, Олеся, Олеся...»

Я не пошёл вслед за ней, и даже не из-за крика. Неприятное чувство того, что я сделал, не пустило. Я обернулся, ища глазами Газику, но его уже не было. Ему позже досталось от меня, но это никак не помогло.

На следующий день я пришёл на концерт. А там родственники и знакомые могут приходить. Меня не пустили. То ли сторож, то ли какой-то музыкант. Высокий толстый дядька с лысиной.

«Не ходи... не ходи, — сказал он тихо, как маленькому, — не пушу».

Как он меня вычислил, не знаю. Неужели Олеся дала ему мою фотографию?

Ушла она с концерта другим выходом. А чем дольше длятся такие ссоры, тем пропасть между людьми всё больше — не перепрыгнешь сразу, и как хочешь теперь. Девчонки потом рассказывали, что, когда в общагу, в комнату, Олеся вошла, держа окровавленные руки кверху, они закричали от испуга. Все почему-то подумали, что она беременна, а я не хочу ребёнка, поэтому она порезала вены. Но они, вообще, молодцы. Сразу обработали раны, забинтовали. Там они все творческие. Одна разрешила свою чёрную блестящую кофточку и сшила перчатки по локоть. Правда, одноразовые: прихватила их нитками прямо к бинту. Олеся так и спала в перчатках. На концерте её похвалили за особый костюм и вживание в образ.

После того я несколько раз встречался с Олесиной мамой. Втайне, конечно. Мы подолгу гуляли и разговаривали. Объяснял, что не могу жить без Олеси. Она сказала, что понимает. Что Олеся тоже не может забыть меня, но не может забыть и ту крысу, и как я пи-

нал её. Мама у неё хорошая, она похожа на Олесю, только старше.

— ...Попробуй ещё раз, может быть, уже отмякла, — выслушав, сказал Спокуха.

Это было неожиданно для Гоши. Он настолько погрузился в воспоминания, что не сразу понял, где находится. Оглядываясь, заметил высокого Нильсона, который входил в сарайку, где хранился бензин. Секунду Гоша посидел, а потом сорвался с места и побежал к сарайке. Вслед за ним поковылял отсиживший ногу Спокуха.

От столовой опять крикнули:

— Чай идите пить! Пуншиком!

Но Спокуха махнул рукой. Нильсон встретил их около входа.

— Что, заморыш, где твои крысы! — крикнул он с вызовом.

Гоша не обратил на это внимания, обогнул Нильсона и вошёл в сарайку. Он единственный, кто не нагнулся в дверях. Крысят в коробке не было. В сарайке прохладнее, чем на улице. Пахнет бензином, соляжкой. Стоят большие и маленькие канистры, двухсотлитровая бочка и четыре пилы. Новые анкера всё так же лежали на чурке. Вошёл Спокуха и тоже глянул в коробку. Гоша посмотрел на него и хотел спросить: «Где они?», но не спросил. Спокуха понял его без слов:

— Матка унесла. Нашла схоронку какую и унесла через дыру. Я говорю: крысы — они умные.

Нильсон стоял у двери, облокотившись о косяк, и курил. Чему-то ухмылялся. Вдруг выругался в адрес крысы, но добро и ласково:

— Достало меня уже всё! Там у меня баба одна!.. Ещё выходной этот...

Сквозь двери и сигаретный дым было видно, как Володька опять машет руками. Привезли тротуарную плитку. Большая тяжёлая машина сдавала назад, а он показывал, куда надо разгрузить.

— Во дирижирует, артист! Будто без него не справятся, — сказал Спокуха и засмеялся.

Вслед за ним засмеялся и Гоша. Нильсон только шурился и улыбался, но было понятно, что и ему стало хорошо.

А. ПАВЛОВ

АНТОН
ПАВЛОВИЧ*рассказ*

Ястранный любитель литературы. Буквально дрожу при словах «книга», «рукопись», «публикация». Сейчас мне шестьдесят два года, и почти всю жизнь свою я пишу. По строчке, по две, иногда страницами. Но могу ли я назвать себя писателем? Что вы! «Литератор» и то говорю с запинкой. А вокруг пишут многие, пишут и пишут, печатаются, издаются. Я же не то что не публиковался, а даже никогда никому не показывал ничего своего.

Первое, что я написал (с большой буквы), — это сочинение в шестом классе. В сентябре учительница по русскому языку предложила нам сочинение на свободную тему. Ох уж эта свобода!

Я тогда был захвачен недавним путешествием с отцом за грибами, во время которого мы попали в жестокую грозу. Мы ехали на велосипеде, и непогода нас застала посередине поля. Вдруг стало темно, налетел ветер, пошёл проливной дождь, и страшный гром обрушился на нас сверху. Помню, как близко я почувствовал отца. Никогда больше не было у меня такого. Казалось мне, что во всём мире теперь только он и я, и никого. Отец испугался, что велосипед железный и в него ударит молния. Я испугался вслед за ним. Но мы всё равно поехали. Помню дождь вокруг и тёплую спину отца. При въезде в деревню строился новый дом, и мы вместе с раскатами грома забрались в дверной проём. Окон в доме не было, пола и потолка тоже — только подпольные и потолочные балки. Зато была крыша. Мы были мокрые с ног до головы, но весёлые, что добрались до жилья. В доме пахло опилками, и хозяин его в засаленной одежде угостил нас кофе из термоса и бутербродами с колбасой. До этого я никогда не пил кофе. До сих пор помню ощущение от тёмного горячего напитка в тёплой кружке и его вкус, как и вкус бутербродов. Ничего вкуснее не ел я в своей жизни.

И всё это я описал в сочинении. Учительница похвалила его и сказала, что отправит район на конкурс. И я даже подозреваю, что моё сочинение что-то там заняло, так как меня хотели везти в город. В тот день я пришёл в школу раньше обычного. Но наш автобус сломался, так что даже ребята из других деревень, которых он по утрам привозил, не смогли по-

пасть в школу. Я ходил по этой школе в красивой рубашке, а не в форме, — ходил по полупустой школе. Больше учительница про сочинение ничего не говорила, а я боялся спросить.

С тех пор стал писать. Стихи, зарисовки...

Родители со страхом смотрели на моё увлечение. Бывало, я и сам не понимал, что выходило у меня. Но я старался. Иногда, если мне не удавалось что-нибудь, у меня болела голова.

Так прошло три года. Однажды я узнал, почему родители не любят моих стихов, почему лица их становятся стариковскими и некрасивыми, как только начинаю читать. Я подслушал разговор.

Под вечер мама заставила меня выпить много морса, так как я простыл. Ночью захотелось в туалет, и я проснулся.

На кухне шептались:

— Надо показать его врачу.

— Ты думаешь?

— Ты помнишь свою бабушку? Может быть, это передаётся по наследству.

— Ты думаешь, он ненормальный? — с запинкой спросил отец.

— Дурак! — громко ответила мама. И тут же спохватилась: — Тише.

Я заткнул уши и больше не стал слушать. Всю ночь лежал и ждал рассвета.

После такого откровения я затаился. Нет, я не перестал писать. Больше я ничего не показывал родителям. Тетради прятал. Благо, после девятого класса я поступил в техникум на бухгалтера. Мечты о гуманитарном образовании пришлось оставить. Отец одобрил мой выбор, мать стала спокойнее, морщины на её лице разгладились.

В райцентре меня мало кто знал, и таиться мне было несложно. Точные дисциплины давались легко, поэтому оставалось больше времени на изучение литературы. И я читал целыми днями.

Помню это счастливое время. Я стал подражать великим писателям. И, надо сказать, у меня неплохо получалось. Это, конечно, было моей ошибкой. Со временем я понял, что нужно что-то своё, чтоб я был «наравне», а не «как они». И я стал ломать себя. Однажды сжёг целую пачку своих работ. Специально выехал за город — туда, где отдыхают, и поджжёт бумаги.

Невдалеке были рыбаки. Они, наверно, думали, что я просто жгу костёр. Они ничего не знали. Я помню, что ни один мускул не дрогнул на моём лице.

Уже тогда я догадывался, что никогда не женюсь, чтобы полностью посвятить себя творчеству. Но стоит ли рассказывать обо всех перипетиях моей жизни? Чего только не было! Я так и не женился. Теперь мне немного страшно. Я боюсь, что будет впереди, когда я умру. Ведь я не оставил после себя никого. Но всё это глупости, я ни о чём не жалею. Расскажу о самом важном отрезке моей жизни — работе в газете.

Помню, как пришёл в редакцию нашей районки устраиваться корреспондентом. Я принёс с собой самые лучшие свои работы; ладонь, сжимавшая ручку кожаного портфеля, вспотела. Я открыл входные двери, прошёл небольшой тамбур и оказался в длинном коридоре. До этого я никогда не бывал в редакции, не смел себе этого позволить даже для того, чтобы подать объявление. А в этот раз я шёл по коридору. С обеих его сторон были двери с табличками, но от волнения я не мог прочесть, что на них написано: буквы расплывались в моих глазах. Наконец я толкнулся в первую попавшуюся, она была закрыта. Это заметила весёлая девушка. Я её почти не помню, наверно, она вскоре уволилась, и я не успел с ней толком поработать.

Девушка сказала:

— Вы куда? Посторонним нельзя.

— Нельзя, — повторил я.

На мне был костюм с галстуком, серый плащ и шляпа с полями. В этой одежде я чувствовал себя уверенней, иногда одевался так, прежде чем сесть за стол сочинять, или в таком виде ходил по дому.

— Я на работу устраиваться.

Девушка подвела меня к одной из дверей и даже толкнула её, так как сам я долго не решался.

За столом сидела Анжелика Валерьевна, маленькая пожилая женщина с седыми волосами. Она тогда совмещала должности директора и редактора. Я поздоровался. Она кивнула на моё приветствие, встала, подошла к одному из стульев, подержалась за его спинку и сказала:

— Садитесь.

Я послушно сел и тут вспомнил, что всё ещё в шляпе. Я занёс руку, чтобы снять её, но вместо этого просто сбил назад. Шляпа упала на пол. Я оглянулся и посмотрел на неё, но поднимать не стал. Анжелика Валерьевна быстро встала, подхватила шляпу и подала её мне, а сама вернулась на место.

На одной из стен висело штук двадцать дипломов. Перед Анжеликой Валерьевной стоял компьютер. Когда она наклонилась к нему, лицо её осветилось, а самой стало почти не видно. Я ещё раз посмотрел на дипломы, на толстую подшивку газеты и поправился на стуле.

— Слушаю, — сказала Анжелика Валерьевна.

— Я к вам пришёл устраиваться на работу на должность корреспондента, — выложил я заученную фразу, и, как мне показалось, уверенно.

— А вы в цифрах что-нибудь понимаете? — спросила она. — Нам бы бухгалтера... Корреспонденты приходят и уходят, а есть хочется всегда. Ещё немного — и наша газета умрёт.

Она так и сказала: «умрёт».

— Я бухгалтер. — Мне показалось, что я сказал это про себя.

Но нет, Анжелика Валерьевна оживилась:

— Бухгалтер? Самый настоящий?

«Самый настоящий» рассмешило меня. И я рассмеялся тоненьким писклявым смехом. Я почему-то смеюсь всегда тоненько, даже самому иногда противно. Но тут ничего не поделаешь. После этого у меня словно отлегло и стало проще разговаривать.

— Конечно, самый настоящий, — сказал я. — Тридцать пять лет стажа. Вы в бухгалтерию администрации когда-нибудь заходили?

— Нам вас сам бог послал! — сказала Анжелика Валерьевна. Она как будто даже выросла, так широко раскрыла свои объятия. — Пойдёмте устраиваться.

Так, побывав в редакции, рассказы мои непрочитанными вернулись домой. Надо сказать, что для хранения своих работ я использовал не письменный стол, а комод. На каждом выдвижном ящике были таблички с годами, в которые написаны произведения. Внутри ящиков всё разложено по стопочкам. Это очень удобно: всегда можно найти то, что хочешь перелистать или исправить. Внизу комода был ящик с испорченным и дополненным.

Дела газеты нашёл я в самом плачевном состоянии. К тому же на носу была проверка. Первым делом пришлось урезать зарплаты, свою я даже и не думал получать. У меня был накоплен небольшой капитал, он тоже был пущен в дело и, кстати, очень пригодился. Через полгода удалось наладить работу рекламных полос — появились «живые» деньги. Через три года в здании редакции сделали ремонт. Через пять лет купили новую машину. Я радовался успехам газеты как своим собственным. Каждая новая статья, новая рубрика казались мне седьмым чудом света.

Иногда я забывал писать своё, даже по вечерам занимаясь делами нашей районки. Но со временем я стал замечать, что корреспонденты смотрят на меня пренебрежительно — как на человека второго сорта. Но что было с них взять, ведь это были новые корреспонденты, которые не знали, в каком состоянии газета была до меня! Теперь те же статьи, которые до этого радовали, стали меня огорчать. Я читал их уже не как читатель, а как критик. И находил множество недочётов. Я написал бы намного лучше!

Мне очень нравится стихотворение Роберта Рождественского:

*На земле безжалостно маленькой
Жил да был человек маленький.
У него была служба маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату маленькую...
И однажды — прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая, казалось, война.*

Я знаю его наизусть. Иногда мне даже кажется, что это я его написал. Параллельно с Робертом. Или даже совершенно автономно от него, в другое время. Я совсем маленький человек. И портфель у меня маленький, и работа. Но после смерти моей все увидят, каким я был исполином, падение которого сотрясёт землю.

Я стал неохотно начислять зарплату нашим журналистам, отказывать в поощрениях, урезать премии, командировочные всегда задерживал до последнего. Иногда я даже стал подумывать о том, чтоб вернуть свои деньги, что

вложил в газету, но теперь это было бы под-судное дело.

Начальство стало выказывать мне недовольство. Анжелика Валерьевна уже не работала, совмещаемые ею должности разошлись. Редактором был молодой парень лет тридцати. Надо сказать, что он был профессионалом. Газета с его приходом преобразилась, стала красочнее, интереснее. Её против воли хотелось и было приятно подержать в руках. Он всегда был в работе и практически не замечал меня, иногда даже не здоровался. Я немного обижался за это на него, — понимал, что обижаться не за что, но всё равно обижался. Иногда он сам писал статьи, и они были плохие.

Другое дело — директор Анна Андреевна, выскока, стройная и строгая женщина. Она почти всегда носит всё тёмное, часто приходит в юбках, открывающих колени. Чёрные волосы забирает в хвостик. Она годилась мне в дочери. Приходит ко мне в кабинет и подолгу разговаривает. Об общефинансовых вопросах, о возможностях газеты, о том, кому какую премию можно дать... Мне кажется, что она просто бесполезно тратит моё время.

Однажды Анна Андреевна пришла по другому вопросу.

— Павел, — сказала Анна Андреевна.

Если она с человеком беседует наедине, то называет его по имени, а если в коллективе — то по имени-отчеству.

Я встал со своего места и не придавал значения помахиванию её руки, обозначающему, что можно садиться. Мне всегда кажется, что в такие моменты я мальчик на побегушках. Я стал смотреть на родинку под её левым глазом. Всегда смотрел на эту родинку, чтобы не смотреть вниз, на пол или ещё куда. И вся Анна Андреевна превратилась для меня в одну сплошную родинку.

— Павел, вы знаете, что никого из нашей пишущей братии нет на месте: один — на больничном, другая — в отпуске, третий — в командировке. — (Мне было приятно, что она никого не назвала по имени, словно немного пренебрегала ими.) — А нам бы надо съездить в деревню на происшествие. Нужна небольшая заметка. Не возьмётесь за это? А то в кабинете, наверно, уже засиделись — немного проветритесь.

Я чуть не подпрыгнул на месте. Это был шанс заявить о себе. Мне кажется, что я даже помолодел — столько сил у меня прибавилось.

— Вижу, что вы согласны, — сказала Анна Андреевна, улыбаясь.

И мне стало неприятно, что я так явно показал свои чувства.

— Перед отъездом зайдите ко мне. Я вам напишу точный адрес и что надо сделать. Не забудьте взять у меня фотоаппарат и диктофон.

В дверях она остановилась и легко повернулась ко мне. Хвостик её волос как-то особенно встрепенулся от резкого движения.

— Павел, только, к сожалению, придётся ехать на старой машине. Новая — в отъезде.

Надо сказать, что один из корреспондентов никогда не брал с собой водителя и всегда сам управлял автомобилем. Но мне было не важно, на чём ехать. Мне даже хотелось проехать на нашем стареньком уазике, так долго служившем нам средством передвижения. Это был мой шанс заявить о себе.

Не надо и говорить, что я собрался в пять минут. Наш водитель Сан Саныч — рано поседевший мужик, которого почти все звали просто Саныч, — и урчащая машина уже стояли около дверей редакции. Видимо, Анна Андреевна, оправдывая свою должность директора, уже предупредила его.

Мы поехали. Я подпрыгивал от трясков на сиденье. А мне казалось — от радости. Лицо моё, наверно, было похоже на лицо идиота. Город был залит солнечным светом. Весна. На деревьях распустились листочки. Из земли ползла трава. Даже не весна уже — лето.

А я ничего этого не замечал — копался в своих бумажках.

Как только мы выехали за город, машина сломалась. Саныч открыл капот и долго смотрел чего-то там. А я всё сидел на переднем сиденье в своей шляпе с полями, в костюме, с портфельчиком и фотоаппаратом в руках и, наверно, с идиотичной счастливой рожей. Только не подпрыгивал на месте.

Наконец Саныч сказал:

— Всё, Павел Антонович, дуй в город, — и добавил что-то матерное.

Я не поверил и остался сидеть в машине. Тогда ему пришлось ещё раз повторить то же

самое, только другими словами. Я их не помню, меня словно заклинило. Думать я был не в состоянии.

Саныч посоветовал мне идти обратно по тропинке через поля. И я сдуру пошёл. Иногда тропинка шла через сырые места. Вскоре туфли мои все стали в глине, костюм, руки и даже лицо в траве и земле. Шляпу я потерял и не стал возвращаться за ней. Голову напекло солнце, сам я взмок как мышь. Единственное, что я сохранил и чему не дал упасть на землю, — это фотоаппарат. Давно уже я не проходил зараз расстояние больше полкилометра (до работы). А тут пришлось преодолеть путь во много раз больше. Через три часа я был в редакции.

Анна Андреевна, видимо, заметившая меня в окно, встретила в коридоре.

— Что с вами, Павел Антонович? — спросила она удивлённо, то ли сдерживая смех, то ли намереваясь перевести всё в шутку, но не зная, как это сделать.

Я до глубины души обиделся. Чувствовал спиной, что из рекламного отдела высунулись в двери и смотрят.

— Павел Антонович, давайте сюда фотоаппарат, — сказала Анна Андреевна уж слишком заботливо, как маленькому. — Можете идти домой и на работу сегодня не возвращаться.

Я отдал фотоаппарат, достал из портфеля диктофон и тоже протянул ей:

— Заметки не будет. Машина сломалась за городом. — Голос показался мне чужим.

— Эта заметка была не очень значительная. Не переживайте так, Павел Антонович, что вы, — она подступила ко мне и показалась особенно высокой. — А про машину мы знаем, её уже в ремонт увезли.

Это «мы» буквально убило меня: «мы знаем». Значит, уже все в редакции знают. А может, она говорит «мы», потому что есть второй человек, который выглядывает из рекламного отдела.

«Павел Антонович! Кто-нибудь, вызовите скорую!» — этот её крик я часто потом вспоминал, иногда со злорадством. Может быть, я даже упал специально. Хотя нет. У меня не было сил, и я на самом деле потерял сознание.

Я пролежал в больнице четыре недели. Неожиданно у меня открылось множество болячек. Сосед по палате, толстый, постоянно

пыхтящий и скрипящий у себя на кровати, часто говорил мне, что это всё оттого, что я не был женат и не имел детей. Он вообще очень много говорил, ворчал. Не слушать его я не мог, так как нам назначили лежать в одной палате, а выходить в коридор не хотелось. Когда он подолгу курил на улице или его забирали на процедуры, я мог спокойно подумать. Радовал меня, что я не завёл домашних животных или цветов, поэтому никого не надо было просить помощи. Несколько раз ко мне приходили из редакции. Наверно, им было удобнее прогуляться на часок до больницы, чем отработать его. После тех посещений у меня появились мысли уволиться из газеты. Благо, был хороший повод — состояние здоровья.

Мой лечащий врач спросил меня, не знаю ли я Анжелику Валерьевну. Я ответил: «Конечно, знаю». И он рассказал мне, что она лежит в соседнем отделении и состояние её совсем плохое. Я решил навестить своего бывшего редактора.

На другой день меня выписывали. Через несколько минут после того, как вышел из дверей больницы, я вернулся назад с пакетом фруктов. Гардеробщица, выдающая бахилы и халат, удивилась, но не сказала ни слова, когда увидела специальный пропуск от моего врача.

Сначала я по привычке пошёл в своё отделение, но потом опомнился и спустился этажом ниже.

Анжелика Валерьевна лежала в трёхместной палате одна — летом люди не любят болеть. Волосы её были совсем белые, лицо тоже бледное, дряблое и худое. Голова утопала в большой, явно не больничной подушке. Одеяло, покрывающее её, было ровно и аккуратно застелено — видимо, сама она уже не вставала и даже не поворачивалась на постели. Я подошёл, положил фрукты на тумбочку и сел на стул рядом с кроватью. Она узнала меня, лицо её оказалось неожиданно живым: губы задергались, вслед за ними задёргалась правая щека, глаза стали часто моргать. Она едва заметно пошевелила пальцами руки. Я понял её и положил свою ладонь под её маленькую и худую. Она всегда любила подержать человека за руку, маленьких — погладить по голове, женщин — приобнять. Рука её была холодной и с длинными острыми ногтями.

— А ведь вы пришли устраиваться в редакцию газеты корреспондентом, — сказала она вдруг довольно внятно, хотя я думал, что она не может говорить. — Антон Павлович, ведь вы пишете и всегда писали. Ай-яй-яй.

Я едва удержался на стуле от неожиданности. Она снова задёрнула губами, и так сильно, что моё лицо тоже стало слегка подрагивать.

— Что ж вы никогда не показывали свои рассказы, Антон Павлович? А, Антон Павлович? Принесите, обязательно принесите в редакцию. Я похлопочу, чтоб опубликовали.

Губы Анжелики Валерьевны ещё дрожали какое-то время, но она так ничего больше и не сказала. Вскоре и вовсе закрыла глаза, словно уснула. Видимо, разговор её всё-таки сильно утомил.

Я испугался, выбежал в коридор, нашёл врача и объяснил ситуацию. Он сказал, что это нормально и что ей сейчас ничего не повредит и ничего не поможет. Я всё же не уходил и просил его пойти посмотреть её. Мы вместе дошли до палаты. Он пробыл там не больше минуты: «Да, действительно, она устала и спит, и это нормально».

Я ушёл из больницы хотя и удручённый всем увиденным, но внутри во мне всё ликовало. Чувство радости переполняло меня от тех слов, что сказала Анжелика Валерьевна. Я готов был расцеловать её даже такую больную и немощную. Она назвала меня Антоном Павловичем! Я как Антон Павлович, как Чехов!

Придя домой, первым делом я нашёл в старых подшивках нашей газеты статью про юбилей Анжелики Валерьевны и вырезал оттуда фотографию. Наклеил на жёсткий картон, подождал, пока высохнет, и положил в нагрудный карман рубашки. Фотография была маленькая, но мне это было неважно, главное, что её. Дома от волнения я не мог сидеть и пошёл в парк, где можно было глядеть на людей и детей. Поужинал в кафе. Но сердце моё всё рвалось куда-то. Я никак не мог уместить в себе то знание, что вскоре из Павла Антоновича стану Антоном Павловичем.

Ночью я перебирал свои рассказы и стихи. Довольно спокойно и методично, но никак не мог найти чего-нибудь толкового. Через какое-то время я догадался, что это из-за бумаги,

что в электронном виде они будут выглядеть по-другому. Я включил компьютер и стал просматривать те рассказы, которые у меня были набраны. Но и тут было то же, и я вернулся к бумажному архиву.

Утром я пришёл в редакцию без единой своей работы. Глаза мои были воспалены и припухли, но я не придавал этому значения. Дверь в мой кабинет оказалась открытой. Я нашёл там молоденькую девушку. Она не знала меня и поэтому спросила:

— Вы к кому? — но тут же догадалась, кто перед ней, и смутилась.

Я сообразил, что эта девушка — заменяющий меня бухгалтер и наверняка знакомая или даже родственница Анны Андреевны. Поглядев бумаги, я убедился, что все они в порядке и девушка довольно легко справляется со всем объёмом работы. Можно было уходить с чистой совестью.

В обед в редакцию принесли печальную весть и некролог: Анжелика Валерьевна умерла. В течение следующего дня я удивился, сколько людей её хорошо знали и помнили. Соболезнования несли и несли, так что пришлось отдать под них целую полосу.

Хоронили Анжелику Валерьевну через три дня. Народу собралось много: всем она чем-то помогла, что-то сделала для них. Приехали и две её дочери. Они обе рано вышли замуж за военных: сначала — одна, а потом — вторая, — и уехали далеко отсюда. Как сказал один человек из толпы: они ей не мешали, и она им не мешала.

Анжелику понесли в церковь отпевать. Оказалось, что её крестильное имя — Татьяна. Священник, который совершал службу, тоже знал её, он даже прослезился немного. Я как-то не умею постоять за себя: меня постепенно оттесняли, оттесняли из центра собравшихся, и наконец я оказался совсем с краю. Когда прошался с покойной, я поцеловал её в лоб и упал перед гробом на колени — может быть, для того, чтобы выделить себя среди всех этих людей. Плакать я не мог и не хотел, но встать сам был не в состоянии. Это было сильное потрясение. Когда меня подняли, я заметил удивлённое лицо Анны Андреевны. В платочке она выглядела нелепо. Двое мужчин несли меня, а ноги мои

волочились по земле. Я чувствовал себя Германном, который пришёл к старухе. Только я был другой Германн – не проигравший. Старуха открыла мне три карты, но играть я не стал.

Теперь подолгу смотрю на её фотографию и вспоминаю, как она сказала: «Антон Павлович, Антон Павлович».

Знаю, что это не так, не так. Но не могу сдержаться и вслед за ней повторяю: «Антон Павлович. Антон Павлович».

Иногда я даже так представляюсь где-нибудь в парке. Наедине же, когда дома, сам себе говорю: «Эх, Антон Павлович, стареем мы с тобой!» – и от этого немного легче.

Уважаемая редакция любимого моего журнала «Стоило Пегаса», опубликуйте хотя бы одну из моих работ, я отправляю их вам прикрепленными файлами. Пожалуйста, не откажите в моей просьбе.

А.П.

От редакции:

К сожалению, файлы с работами, о которых идёт речь, видимо, не прикрепилась. На наши просьбы выслать рассказы заново Павел Антонович ни разу не ответил. Розыски через знакомых тоже не дали результата. У нас даже закралась мысль, что такого человека вовсе не существует. Между тем, не дождавшись произведений автора, мы решили опубликовать это письмо, надеясь, что многим будет интересно прочитать его в эти тёплые летние дни. Как вы заметили, уважаемые читатели, назвали мы его «Павел Антонович», а опубликовали под псевдонимом А. Павлов. Мало того, после публикации мы разошлём это произведение на адреса всех районных газет в надежде, что оно обретёт своего автора.

Н.К., главный редактор и издатель общественно-политического и литературно-художественного журнала «Стоило Пегаса».

рассказ

Андрей ехал в поезде, – ехал в свою деревню, домой. Во сне, в мечтах ездил он туда уже много раз. А наяву давно не бывал – жена не пускала: «Что ты, маленький? Жить без своей деревни не можешь!» Иногда он скандалил из-за этого с женой. По телефону брал отгулы у начальника, который был ему другом, хлопал дверью квартиры, спускался в метро и катил на вокзал. Ему казалось, что он пылает и, может, поэтому люди немного сторонятся, смотрят настороженно.

У билетной кассы Андрей вдруг остывал, устраивался где-нибудь в зале ожидания на кресле между спящим мужиком в спортивном костюме и женщиной с книжкой. Долго сидел будто в беспамятстве. Наконец его отпускало. Он шёл в туалет, приводил себя в порядок и ехал домой уставший и умиротворенный, как после удачно проведённого эксперимента в главном боксе лаборатории.

Дома жена словно знала, что он приедет именно сейчас, и на столе ждал ужин. Она вообще очень хорошо умела налаживать быт — устраивала так, чтобы всё было вовремя и удобно. Дети заняты своими делами — им не до отца. А он сидел перед полной тарелкой и ничего не ел.

После каждого такого срыва Андрей говорил жене, что он не прав, а она права, хотя знал, что прав именно он, но всё равно говорил. Жена молчала в ответ и делала вид, что ничего не произошло.

А в этот раз она купила билет сама: «Поезжай, поезжай. Это тебе подарок на сорокалетие».

Он долго не верил, что всё получится. Но потом подумал о жене: «Надо ценить». Эту фразу Андрей усвоил ещё в институте и всегда, когда кто-нибудь делал что-то для него, говорил себе: «Надо ценить», — правда, сразу забывал об оказанной услуге или помощи. Зато если помогал сам, то всегда помнил, что ему должны.

В поезд Андрей надел белую рубашу и светлый костюм, в котором женился. Теперь он ему немного маловат, зато выглядел как новенький, в отличие от двух тёмных, в которых ездил на конференции. Андрей почему-то хотел появиться в деревне именно в костюме. Сам не знал почему. Может, потому, что раньше в костюме всегда ходил учитель химии Иннокентий Павлович и это казалось солидно.

Что уложила в большую дорожную сумку жена, Андрей не знал и пока узнавать не собирался.

Вагон ему попался удачный. Сначала он ехал один на боковой полке, поэтому мог спокойно проститься с Москвой, сказать ей: «До свиданья», хотя уезжал совсем ненадолго. Была у Андрея такая особенность: каждый раз прощаться с городом, из которого отбывал, словно уезжал навсегда. Думал, думал в такие минуты, нагонял на себя тоску — и становилось невыно-

симо тяжко. Тогда он открывал чекушку, спрятанную в сумочку от видеокамеры, и потихоньку выпивал её. После этого отпускало.

На первой же станции в вагон подседа весёлая компания, и стало ещё лучше. Три женщины и старик. По их разговорам Андрей понял, что познакомились они на вокзале и хотели выпить, но пить в поезде нельзя — с этим сейчас строго. Поэтому они поочередно рассказывали друг другу истории. Вернее, так: хотели выпить женщины, а старик сидел с ними за компанию. Мужики если б захотели выпить, то всё равно бы выпили, а женщины стесняются. И вот рассказывали истории.

Одна из женщин вместо историй пела частушки. Если частушка неприличная, то она пела её тихо-тихо тоненьким голосом. Старик, когда смеялся, весь морщился, а редкие волосы на его голове дрожали.

Андрей тоже смеялся вовсю, круглое его лицо краснело от смеха. Он сидел в расстегнутом пиджаке, развалившись, уперевшись в стенку лопатками и чуть выставив ноги в проход. Одна женщина была очень похожа на жену Андрея, две другие — тоже, но они немного старше.

Андрей слушал истории про медведей, грибы, ягоды, кошку, какую-то старую бабку, про мужика, перепутавшего в общей бане мужское отделение с женским. Сам он ничего не рассказывал. Да и зачем кому-то знать про холеру, про передачу грызунами опасных болезней или очаги чумы в наше время?.. Можно было бы... Но зачем пугать людей? Пусть спокойно живут в стерильном мире и не знают, сколько вокруг всякой заразы, от которой можно умереть.

Наконец рассказчики устали и не знали, что ещё рассказать. Старик повторялся, частушечница просто поджимала губы и отрицательно качала головой. «Совсем неприличная», — говорила она и не пела. Но старик, словно заведенный, смеялся даже над этим. Иногда казалось, что он не в себе, а может, просто недослышит.

Андрей понял, что женщины всё-таки успели выпить на вокзале, но чуть-чуть не хватило. Речь в компании пошла об алкоголиках, о том, кто, где и чем отравился, кто от этого помер. Стало скучно.

Старик, расстелив постель, уже спал, иногда во сне вздрагивал, и казалось, что он смеется.

Теперь рассказывала в основном та женщина, что похожа на жену Андрея. А сам он, прислонившись левым виском к холодному стеклу, уснул на том, что после белой горячки человек может больше вовсе не пить, если его вытащить с какого-то порога, с которого он увидит что-то очень страшное.

Лето в небольших городках и в деревне намного ярче и чувствуется отчётливее, чем в столице. В Москве есть какое-то своё особое московское время года — пятое. Оно борется и с весной, и с летом, и с зимой, и с осенью. Отчего всё как-то сглаживается, становится однотипным. В маленьких городках таких сил и амбиций, как в Москве, нет, поэтому они живут по-обычному. Правда, если лето холодное или дождливое, то это уже и не лето вовсе.

В этом году июль стоял жаркий, немного пыльный, на солнце воздух чуть дрожал от жары и какого-то нетерпения, а в тени железнодорожного вокзала, где стоял Андрей, холодно до ощущения мёрзкого подвала. Около чугунной урны валялось несколько окурков. Посередке вокзальной площади — полосатая, под старину, столбовая верста с цифрой «0» наверху.

Наискосок по площади прошла высокая красивая девушка в шортиках. Как-то очень сильно обрадовала Андрея эта девушка. Он глубоко вздохнул и глянул влево, где должен был находиться небольшой деревянный автовокзалчик. Он там был, только не деревянный, а каменный, выложенный из кирпича. И Андрею понравилось, как прямо на его глазах, — вернее, где-то в голове, — один вокзал перестроился в другой.

Около вокзала, прямо на солнцепёке, стояла женщина в серой юбке по колени и сером жакете. «Учительница», — решил Андрей и зашагал в её сторону.

Чуть за вокзалом видны машины такси: одна совсем в тени, а другая уже чуть высунула свой нос на солнце. Из неё вылез высокий мужик и крикнул:

— Куда ехать надо?!

Андрей ничего не ответил. Мужик ему показался очень неприятным, и всё потому, что из-за него не удалось вблизи посмотреть на женщину. На такси он, конечно, не поедет. Деньги есть, но неизвестно, как там чего пой-

дёт. Банкоматов в деревне нет, и карточкой ни с кем не расплатишься.

Андрей вошёл в прохладу автовокзала, не сразу определил, где касса. Пахло чем-то пыльным. Оказалось, что автобуса до деревни сегодня нет.

— Как это нет? — спросил Андрей. — Как это нет? — повторил, прислушиваясь к словам — настолько они показались ему неправдоподобными.

— Два раза в неделю ходит: в понедельник и пятницу. И то невыгодно. Может, вообще отменяют, — сказали из-за мутного стекла.

Голос показался каким-то немного дефективным, и захотелось узнать, кто говорит: старушка или молодая девушка. Андрей даже заглянул в маленькое окошко, но так по-хорошему ничего и не рассмотрел.

— Что, мне тут две ночи ночевать?

— Не знаю, — засмеялись в кассе.

Андрей посмотрел в окно: на вокзальную площадь въехала белая машина с фургоном, попала передним колесом в яму, с лязгом подпрыгнула и остановилась, загородив собой нулевую версту. Из машины выскочил водитель в светлой рубашке и чёрных штанах, присел на корточки около колеса.

Женщина в костюме стояла к автовокзалу спиной, и на неё можно было смотреть сколько хочешь. Чуть склонившись, она изящно согнула правую ногу в колени и потянулась рукой к туфле, чтобы поправить её. «А мы с ней очень даже подходим друг другу. Она в костюме, и я в костюме», — подумал Андрей и улыбнулся.

Кассирша подсказывала ему:

— ...Можете на такси поехать. Если четыре человека с разных поездов наберётся, то совсем недорого будет.

Андрей поправил ремень сумки на плече, одёрнул пиджак и пошёл к выходу. Уже около двери кассирша его окликнула:

— Стойте, стойте! Я знаю!.. Знаю, на чём вам уехать. Погодите! Я сейчас к вам выйду... только закрою...

Андрей ждал. Ему даже любопытно стало поближе посмотреть на кассиршу. Минуты через две открылась дверь закутка кассы, и она появилась в проёме. В серой кофточке, тёмной длинной юбке и почти чёрной косынке кассирша выглядела так, будто носит траур. И опять — опреде-

лить на вид возраст сложно. В руках она держала пакет, завязанный верёвочкой. Черноволосая, совсем небольшого роста, кассирша глядела на Андрея снизу вверх и хлопала ресницами. Чего-то ждала, что ли?.. Словно надеялась, что ей сейчас скажут: «Как вы хорошо выглядите» или даже: «Выходи за меня! Я давно тебя искал».

Но Андрей ничего такого не сказал: он пытался припомнить, мог ли где-то видеть ту другую — в костюме. «Может, это знакомая какая-то?.. С молодости... А я её не узнал?..» — подумал Андрей. Кинул взгляд на окно, но той женщины за ним уже не было.

— Тьфу ты! — ругнулся Андрей.

— Что такое? — всполошилась кассирша.

— Ничего уже.

— А знаете, на чём вы сможете уехать? Вон на той продуктовой машине. Она через вашу деревню поедет. — Кассирша показала в сторону автомобиля с фургоном, всё ещё стоявшего на вокзальной площади. — Пойдёмте, пойдёмте! — она звала Андрея к выходу.

Шофёр прохладился около открытой двери — стоял, расслабленно опустив тяжёлые руки. У него наверняка просто болела спина, но по выражению лица можно было подумать, что все ему надоели.

— Привет, Витя! Вот, маме передашь, — она протянула водителю пакет. Тот машинально взял, но не сводил взгляда с Андрея, даже рот приоткрыл.

— А я тебе пассажира нашла до Реки. Увезёшь? — спросила кассирша.

— В фургон, — ответил водитель.

— А может, место в кабине есть?

— В фургон, говорю. Товаровед поедет.

— Ну, я тогда побегу, — сказала кассирша. Преπειраться она не стала, видимо, побаивалась водителя.

Тот положил пакет на сиденье и снова отрывисто сказал Андрею:

— У церкви высажу.

Когда он открыл двери фургона, Андрей даже улыбнулся: среди продуктов, как какая-то королева, сидела та самая женщина в сером костюме. Он забрался внутрь.

У самого края — коробка с водкой, видны горлышки бутылок.

— На ящик пустой садись, — велел водитель и хлопнул дверь.

Стало совсем темно. В фургоне пахло хлебом, колбасой, ещё чем-то вкусным.

Машина завелась и поехала. Но непонятно, куда везут: когда окон нет и темно, совсем теряешься в пространстве. Запах продуктов стал таким густым, насыщенным — даже дышать тяжело. У Андрея заныло в животе, заболела голова: не ел с вечера. «Как в газовой камере», — подумал он.

Раньше были такие машины: гибкий шланг от выхлопной трубы проводили в фургон — люди в пути задыхались от газов. А здесь легко захлебнуться от слюны. Андрей огляделся.

Очертания предметов стали различимы, наверно потому, что наверху между дверными створками оставался зазор, пропускающий свет.

Рядом с Андреем светлели вытянутые ноги попутчицы. Он уставился на них, зная, что в темноте не видно, куда он смотрит. Вдруг ему показалось, что женщина чего-то ждёт от него. Андрей повернулся всем телом к ней, она качалась на трясках из стороны в сторону. Он подвинулся поближе и осторожно протянул руку; когда оставалось только опустить ладонь на коленку, замер. Решил, что она заметит его руку и, если ничего не скажет, значит, можно.

Коленка оказалась гладкой, холодной и неприятной на ощупь.

— Куда?! — воскликнула женщина. — Вроде в пиджаке, а колбасу ворует!..

— Тьфу ты! — Андрей отдернул ладонь и даже потряс ею — так ему было противно ощущение от прикосновения.

— Ты смотри, я Вите скажу! — попутчица постучала по железной стенке фургона, но не очень громко.

Андрей не стал отвечать, повернулся на ящике и стал смотреть в противоположную от дверей сторону. И вдруг был вознаграждён. Он любил это слово «вознаграждён» и всегда говорил так, когда с ним происходило какое-нибудь чудо.

На стенке в светлом пятне появились картинки: деревья, дома, машины. Это камера обскура. Большая, огромная. Свет проникает в фургон через маленькое отверстие, преломляется — и вот видны изображения. Только всё кверху ногами. Настоящий чистый экспери-

мент. В школе Андрей делал такие камеры обскура из коробки, пивной банки.

Несколько раз Андрей порывался поделиться открытием с попутчицей, но побаивался её, потому молчал. Наконец, когда дома очередной деревни приблизились настолько, что в подробностях можно было рассмотреть резные наличники, Андрей не утерпел:

— Смотрите! Видите картинки? Камера обскура.

— Чего? — спросила женщина.

— Свет преломляется, и мы видим всё, что происходит на улице, только в перевёрнутом виде.

Женщина ничего не ответила. Андрей встал и, сохраняя равновесие, не отрывая ног от пола, подобрался к двери. Он даже намеревался поставить пустой ящик и с него посмотреть в отверстие наружу. Но машина резко затормозила, и Андрей повалился навзничь, левая рука его оказалась больно вывернута за спину. Он попытался перекатиться на бок. Одно порадовало: не упал ни на женщину, ни в продукты.

Водитель распахнул двери фургона, а Андрей всё лежал, прижавшись щекой к грязному металлическому полу.

Раздался женский голос:

— Витя, проверь всё! А то этот хотел колбасу забрать...

Но водитель почти не взглянул на ящики. Скомандовал:

— Вылезай!

Яркий свет слепил. Видна грунтовая серая дорога. От проехавшей машины всё ещё стоит пыль, она мелкая-мелкая и буквально висит в воздухе. Высокая крапива вдоль обочины тоже вся в пыли или, можно сказать, в песке.

Андрей не сразу смог подняться. Наконец он выпрыгнул из фургона, радуясь, что в темноте схватился за палку колбасы, а не за коленку попутчицы. А то бы «прославился»!..

Водитель молча закрыл за пассажиром двери фургона.

— У тебя там камера обскура! — весело сказал Андрей, всё ещё радуясь своему везению.

— Чего?! — спросил водитель.

— Спасибо, говорю!

— Спасибо не булькает.

Андрей расплатился и подождал, пока машина

уедет. Потом размял левую руку, пошагал немного на месте и оглядел себя: костюм мятый, в пыли и муке.

— Как бомж последний...

Чихнул от пыли, охлопал брюки, снял пиджак, встряхнул и повесил на руку. Только после этого поднял глаза — осмотреться.

Деревня ничего — жила, много было ярко крашенных домов.

Высокая крапива росла вокруг полуразвалившейся церкви из красного кирпича. Какое-то время в церкви располагался магазин, рядом стояли покосившиеся сарайки и туалет. Среди крапивы на высоких столбиках красовался щиток с плакатом: «Восстановим храм Николая Угодника сообща!» Внизу — фотография церкви, какой она была раньше, и телефон человека, собирающего пожертвования. Окна и двери церкви заколочены светлой строганой доской. На крыше несколько заплат из нового шифера.

«Консервация», — вспомнил Андрей. Он знал, что сейчас многие храмы консервируют до лучших времён, чтоб совсем не развалились.

Идти было недалеко, и он пошёл.

Дома всё добротные, весёлые, трава около них, в отличие от той, что рядом с церковью, выкошена до низкого газона. Огороды ухоженные, почти на каждом — современная «магазинная» теплица. Около ягодных кустов — пугала, похожие на людей. То тут, то там во дворах стояли хорошие дорогие машины.

«Ещё говорят, что в деревне плохо живут», — подумал Андрей. А он-то напялил пиджак, в котором когда-то женился. Какая глупость. Это, наверно, навязчивая идея из того далёкого времени, когда он хотел поехать домой в первый раз, а жена не отпускала.

— Дура! — вслух сказал он, зная, что не прав.

Андрей чувствовал себя здесь чужим, инородным. Он не подходил по костюму ни к деревне, ни к лету. Шёл, чуть склонив голову, но никто бы, наверно, его не узнал: идёт и идёт какой-то, ну и ладно. Над головой Андрея кружились то ли слепни, то ли стрекозы. Правда, в ушах у него и без них гудело от усталости и жары.

Около одного из домов на глаза ему попала зелёная пальма с коричневым стволом — это из пластиковых бутылок. Около другого дома стоя-

ли большие цветные грибы, около третьего — расписные птицы. Наконец Андрей встретил первого человека. Вернее, троих. Впереди шла девушка с коляской, а за ней — пожилая женщина. Обе в больших чёрных очках. Девушка — в велосипедках и коротком топике с рисунком — два сочных яблока на груди. На футболке у женщины по-английски большими буквами написано: «Я люблю быть дикой!»

«Кошмар какой-то», — подумал Андрей, разобрав слова.

Повстречавшись с женщинами, спросил:

— А почему никого людей нет?

— Так жарко, — ответила молодая. — Все по домам отсиживаются.

— А это деревня Река? — спросил он ещё.

— Да, Река.

— Что-то обмелела наша Река... — сказал Андрей весело.

— А вы к кому? — спросила та, что любит быть дикой, и сняла очки.

— А я — проездом! — крикнул Андрей зачем-то.

От его крика ребёнок заплакал, и Андрей даже обрадовался этому. Стало как-то легче. Пожилая сразу наклонилась над коляской, а молодая долго и, наверно, пристально смотрела на Андрея. Но тот не мог понять, что выражает её взгляд — она так и не сняла очки и походила на огромную стрекозу.

Трава около родительского дома скошена, сено убрано. На месте огорода — высокая картошка и красивые цветы. Стояло даже своё пугало — мужик в лыжном костюме, куривший трубку, — правда, бесполезное: тощее, пряталось оно в тени дерева почти у самого ствола. Одно отличало дом Андрея от жилых по соседству: заколоченные широкими досками окна и двери. Мать переехала к старшему брату Андрея ещё лет семь назад — с тех пор, наверно, и заколочены. Хотя, когда трава скошена, гряды есть, приезжать, наверно, намного приятнее. А если картошку разрешат подкапывать, то вообще забот никаких — живи в своё удовольствие.

У ближнего дома Андрей заметил человека. «Это, наверно, дядя Лёня», — подумал он. Положил сумку на лавочку, отряхнул пиджак, надел его и пошёл на двор к соседу.

Когда-то у дяди Лёни было большое хозяйство, а теперь всё похирело, подрыхлело, краски словно смазал кто. Правда, огород хороший, большой, теплица хотя и не покупная, но новая.

Андрей со скрипом открыл калитку на пружине и вошёл во двор, не сразу заметив собаку, прячущуюся в тени. Она тоже почти не обратила внимания на чужака: только приподняла голову и опустила. Жарко ей, наверно.

По огороду бродили несколько рыжих самодовольных кур, которые тоже не испугались гостя. Андрей даже хотел хлопнуть в ладоши, чтоб они побежали и закудахтали, но передумал. Поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Никто не ответил. Подождав немного, вошёл внутрь.

Откуда-то из дальних комнат, из темноты и прохлады, появился дядя Лёня в накинутах на голое тело белой рубахе. Постарел он, но не сильно, чуть как-то оплыл. Шёл сосед медленно-медленно и как будто собирался с мыслями на ходу. Наконец крикнул:

— Здорово! — когда приблизился к гостю, поздоровался ещё раз, добавил: — Ну, первым делом — с приездом! — и протянул раскрытую пятерню.

Андрей пожал приятную теплоту — руки у соседа всегда были горячими.

— Пойдём-ка, москвич ты наш, покурим. Солнышко, наверно, уже с лавочки ушло, — предложил дядя Лёня.

У Андрея отлегло. Наконец-то приехал домой — и можно отдохнуть. А то, живя в столице, привыкал, привыкал, тренировался даже, чтобы не отличали от москвичей, а всё равно как-то отличают, определяют.

Как только вышли на крыльцо, собака залаяла и долго не могла уgomониться, рвала цепь. Дядя Лёня не пытался утихомирить её, спокойно сидел и курил, видимо, обдумывая, о чём бы поговорить.

Наконец Андрей первым спросил:

— А как тётя Саня?

— А уехала в город. А мне что: баба с возу — коню веселее. Да и хозяйства у меня, Андрюха, больше нет. А куда? Вон всё хозяйство: эти яйценосы да цепная кобелица.

— Как собаку-то зовут? — спросил зачем-то Андрей.

— Угадайка, — ответил дядя Лёня и потушил окурок о стоящую на земле большую жестяную

банку с землёй и сухим остатком какого-то комнатного растения.

Андрей прикинул в голове несколько кличек и, зная, что не угадает с первого раза, сказал:

— Стрелка!

— Стрелками теперь не называют. Улетели в космос. Угадайка.

Андрей посмотрел на собаку, которая стояла, вытянув морду в его сторону, прищурился, опершись руками о скамейку, немного поёрзал туда-сюда задом и весело крикнул:

— Чернушка!

— Какая Чернушка? Ты чего? — грубо остановил его дядя Лёня. — Я же сказал: Угадайка. Так её и зовут — Угадайка.

Собака замахала хвостом и даже немного заскулила.

Андрей тяжело вздохнул и спросил:

— А как деревня живёт? Я смотрю, богато?

— Чего — «богато»?.. Это всё отпускники да пенсионеры на лето приезжают. А зимой поиди поищи кого!.. Старший сын приезжал — тоже, как твои, — богатый. Стали скважину бурить. Крутили-крутили. Уже далеко проделали — метров семь. И вдруг — дерево. Откуда там дерево, а? — сосед внимательно посмотрел на Андрея.

Тот ничего не ответил, ему почему-то подумалось, что дерево — это не бревно какое-нибудь, а с листьями, например, берёза.

Собака с шумом протащила цепь по земле, забралась в свою будку — похоже, она всё это знала. Куры тут же окружили её миску и стали клевать, гоняя друг друга.

В теньке, где сидели мужики, лениво кружили несколько комаров — настолько лениво, что их даже не хотелось прихлопнуть.

— Ничего, — сказал дядя Лёня, — на другой год сын обещал какую-то специальную пилу привезти, будет этак пилить, — он показал руками что-то непонятное. — Протрем дыру. Всё одно протрем.

— А можно посмотреть? — спросил Андрей.

— Чего посмотреть? Скважину? А зачем? Дыра и дыра. Вон, в малиннике. Я её ступицей от колеса закрыл, палку воткнул да флаг повесил, чтоб место не забыть.

В высоких кустах малины и в самом деле висело что-то цветное, но непонятно было что.

— А я думал, это ворон пугать, — сказал Андрей.

— Чего!.. Ворон пугать! — сосед даже как будто обиделся. — Сын хотел сначала пиратский повесить. Но зачем это? Тогда он по интернету посмотрел: нашёл флаг с крестом. «Этот, — говорит, — можно». Но я сказал: «Не дам!» Богохульство — с крестом-то. У нас, кстати, церковь хотели восстанавливать. Приехал какой-то, заагитировал людей. А денег мало собрали — только заколотили, чтоб не ползали... чтоб хоть чуток чего осталось. А агитатор этот после пропал вовсе. Но у людей зачесалось уже, и зачесалось-то где-то на спине, а хворостинки-то, чтоб почесать, нету. Так и чешется, — дядя Лёня, словно демонстрируя, сам схватился за спину.

И теперь Андрей заметил, что сосед всё-таки здорово сдал, — даже кивнул в знак согласия с той мыслью: мол, да, постарел дядя Лёня.

А тот продолжал рассказывать:

— ...Тогда мы решили наш — российский — повесить. Только в магазине не оказалось. И купили французский — да и всё. Цвета похожие, только не так расположены. У нашего — сверху вниз, — он стал глядеть мечтательно в сторону собачьей будки и медленно, но не до конца, загибать толстые пальцы. — Бей-си-к — белый, синий, красный. А если снизу вверх, то КГБ — красный, голубой, белый.

Они помолчали немного.

— Не, чего там глядеть... — сказал дядя Лёня. — Дыра и дыра. Ещё осыплется, потом нам работа лишняя. А про деревню я тебе сейчас расскажу. Чего у нас и осталось всех жителей — ничего. В этом году семь мужиков почти одного возраста как скосило. Эпидемия какая-то. Вот я знаю — ты работаешь в этом деле?..

Андрей помолчал немного в ответ, подбирая слова, чтобы объяснить попроще:

— В противочумном центре.

— Ну вот, в прошлое лето меня сын на юг возил к своим знакомым. Там у них и коровы есть, и гуси. По десятку коров у хозяина. Пасутся там себе по лесам, по горам. Там у них горы. Ну вот, у соседа поросёнок сдох, — ещё не сдох, посинел весь, и успели прирезать. Он стал мясо отдавать. Лето... Куда с ним? Мы сначала не хотели брать, а потом взяли. Шашлыки, под пиво, под водку — отлично пошло. — Дядя Лёня сделал паузу и глянул на Андрея: тот сидел, опершись руками о колени, смотрел

на свои запыхлённые ботинки и слушал. — Ну вот, приехали мы домой, а недели через две отсюда звонят: «У нас в районе дохнут свиньи — синеют и дохнут. Эпидемия. Утилизируем». У меня аж челюсть отвисла. Я и им, и сыну такого матюга загнул. «Но, — говорят мне, — если у вас до сих пор всё нормально, значит, ничего страшного. Мясо прошло термическую обработку — и всё нормально». Вот такая у нас история. Чего ты на это скажешь?

Но Андрей ничего не ответил, всё смотрел на свои ботинки, думать ему не хотелось. После поездки сильно устал и даже слегка подрёмывал теперь. Дядя Лёня решил, что наука на это ничего сказать не может, залихватски выдернул сигарету из пачки и закурил.

— ...А про деревню я тебе сейчас расскажу. Народу осталось немного. Деревня, она умерла. Нету её больше. А эти дачи, фермеры — это уже всё не то, пародия, одно издевательство. А если умерла, то что это такое вокруг? — он обвёл свой двор рукой. — Это кладбище. А знаешь, Андрюшка, как больно и неприятно живому ходить здесь, жить среди гробов и могил, вдыхать этот запах. Ты знаешь, наверно, это трупная палочка. Поэтому все, кто может, сматываются отсюда в город к чёртовой матери. А кто остался — пьёт вино, поминает. А про наших я тебе сейчас всё расскажу, всё до копейки. Поговорить, Андрюшка, с живым человеком хочется. Младший — летом со мной... Приедет, поест и в телевизор усядется. А мне хочется рассказать о том, что думаю, да никто не слушает.

И начал дядя Лёня рассказывать про каждого деревенского в самых мелких подробностях: кто куда ходил, что построил, сломал, сколько заготовил дров, кто что сказал про кого. Если кто-то умер недавно, то дядя Лёня рассказывал, как он умер: угорел ли в бане, записался ли, погиб при пожаре. Рассказывал, как его хоронили, как копали могилу и как кто-то чуть не упал на гроб. Потом вспоминал, что предвещало смерть, находил какие-то почти незаметные мелочи. И получалось так складно, будто на самом деле можно легко узнать, кто умрёт. Не успокоившись, дядя Лёня начинал искать у живых людей признаки смерти и находил их.

Андрей давно уже его не слушал, всё так и сидел, опершись руками о колени и склонив голо-

ву. Дремал, иногда даже храпел довольно громко. Дядя Лёня не обращал на это внимания и говорил с вдохновением, размахивая руками, словно руки — это крылья, которые выросли недавно и ими ещё надо научиться управлять. Сначала он рассказал от середины деревни в одну сторону, потом — в другую.

Время шло, куры убрели куда-то, собака тоже дремала. Прилетели комары, они кусали Андрея, но он этого не чувствовал.

Солнце клонилось к западу. Стало прохладнее. Тени от дома убежали далеко в сторону, забрались теперь в малину. Солнце слушало дядю Лёню, но не могло видеть его напрямую, а ему хотелось посмотреть на этого человека. Поэтому оно во всю мощь своего глаза ярко глядело в запотевшее плёночное зеркало теплицы.

Дядя Лёня толкнул Андрея в плечо:

— Ирку-то Алёши-развалёхи помнишь?

Андрей очнулся и с трудом разогнул затёкшую спину, стукнулся затылком о стену дома.

— Помню, конечно. Мы с ней вместе учились.

Взглянув на стукнувшегося головой Андрея, дядя Лёня загоготал неестественно. Угадайка выскочила из конуры и залаяла.

По крыше сверху что-то покатилося и остановилось у самого края. Дядя Лёня стал серьёзным:

— Ворона, наверно, на князьке сидела и кость долбила, а тут испугалась и выронила. Гуляет Ирка-то. Пока муж дома, то ничего, всё хорошо. А он вахтами работает. Как уехал — сразу к ней мужики откуда-то приезжают. А так всё: Санечка, Санечка, шу-шу, шу-шу, милый мой. Сама в другой раз в город съездит, билет купит. В городе — не знаю чего, но сюда к ней мужики как мухи прут. Откуда и берутся!..

Андрей резко встал. Наверно, от этого ему стало нехорошо, а лицо словно загорелось.

— Гуляет? — спросил он.

— Гуляет, пока мужа нету.

— А я тут с женщиной в хлебовозке ехал, — вспомнил Андрей. — В костюме ходит. Ты не знаешь кто?

— А кто её знает, — сказал дядя Лёня. — Приезжая, наверно. Много их тут, женщин.

Андрей посмотрел на соседа, который сидел теперь в старой шляпе с полями и походил на гриб.

Собака лаяла, через неё идти не хотелось, и

Андрей пошёл напрямую к своему дому через малинник.

В конце малинника стояло пугало в пиджаке. Андрей остановился.

— Поздоровайся, поздоровайся! — крикнул ему дядя Лёня. — А я-то думаю: почему, когда ты пришёл, моя «сигнализация» на тебя не залаяла?.. — и загоготал.

— А как же скважина? — вспомнил Андрей вдруг.

— А что — скважина?

— Так дерево. Археологов вызывали?

— А чего — дерево? Старики мне сказали, что тут раньше колодец был, овец поили. Так от него сруб, наверно, попался.

Андрей перелез через забор и прямо по грядкам картошки, назло притаптывая ботву, добрался до родительского дома. Взял оставленную на лавке сумку и медленно пошёл к калитке, всё ожидая оклика в спину.

Наконец сосед крикнул:

— Так ты всё, что ли, поехал?

— Да, — ответил Андрей и не знал, что ещё сказать.

Повернулся как-то виновато в сторону соседа. Тот стоял около угла своего дома и правой рукой придерживался за стенку, словно у него приступ.

— А то бы сын увёз!.. У меня сын извозом зани-

мается, пока здесь живёт. Моста-то напрямую нет — вброд придётся. Машины кругом ездят.

— Ничего, надумал уже, — ответил Андрей. Сосед хотел что-то ещё сказать, но не успел.

Андрей вышел в калитку, осторожно закрыл её, не глядя назад.

Солнце толкало его в спину. Вокруг — длинные-длинные тени от всего: забора, деревьев и прочего. Впереди Андрея его собственная тень в виде вытянутого уродливого человека. Ему вдруг стало очень радостно, что он уходит по прохладе, а не в жару. Со стороны казалось, что Андрей старается наступить на свою тень, поймать её, а она убегает, дразнит его, но убежать не может.

Сергей Анатольевич МУРАШЕВ

родился в 1979 году в Архангельске.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Печатался в журналах «Север», «Наш современник»,

«Роман-журнал. XXI век», «Роман-газета», «Двина»,

«Вертикаль. XXI век», «Приокские зори», «Урал» и др.

Автор книг «Маленькая книжка», «Лента Мёбиуса».

Победитель конкурса

«Долгие вёрсты войны, светлые строки победы»,

II Славянского литературного форума «Золотой витязь»

в номинации «Дебют» (проза).

Член Союза писателей России.

